

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОМАНА Л.М. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»: ПРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Установлены нравственно-философские предпосылки и основы романа: народно-мифологические традиции, народная мудрость о необходимости жить по законам природы, философское и естественнонаучное учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, теория и практика лесопользования в России. Отмечается, что нравственно-философские особенности романа характеризуются утверждением гармоничного единства человека и природы, одухотворением жизни и сознания человека высшими идеями и нравственным смыслом. От экологии природы к экологии души – таков основной нравственно-философский смысл романа.

Ключевые слова: экология и художественная литература, природа и человек, семиосфера, биосфера и ноосфера.

Роман Л.М. Леонова «Русский лес» [1] вышел в свет в 1953 г., когда вопросы экологии ещё не приобрели актуальности ни в науке, ни в общественном сознании, ни в художественной литературе.

К теме леса писатель подходит с юношеских лет: с привязанности к русскому лесному Северу, чему способствовали жизнь у деда в Зарядье и поездки в Архангельск к ссыльному отцу, с постоянного интереса к естествознанию, особенно к ботанике, гораздо позднее – с вовлеченности в проблемы политики и народного хозяйства, в события, происходившие в биологической науке 20-х – 30-х гг. XX века, с осознания зависимости между развитием науки и сохранением природы. В собственно литературном творчестве истоки любви к лесу как национальному пейзажу и обрамлению жизни героев изначальны и непрерывны, берут начало в его творчестве 20-х годов (роман «Барсуки», 1924). Уже в нем лес выступает как средоточие социальных, исторических, философских, нравственных вопросов. В посвященном индустриализации романе «Соть» (1929) лес ещё выступает не тронутым рукой человека, расстилаясь безмерными просторами, где гуляют только ветры и волки. В эти просторы врываются сотнями и тысячами смоленские землекопы, рязанские пыльщики, владимирские плотники, чтобы очистить лесное пространство под котлован социализма. Судьба леса в романе была предначертана исторически – он выступал неисчерпаемым сырьем для строительства нового мира, и потому подлежал уничтожению. Так в духе потребностей эпохи – и поэтически, и фи-

лософски – решалась Л.М. Леоновым проблема отношения человека к природе в его бескомпромиссной уверенности, что в этот момент совершается исторический подвиг перехода от темного прошлого к светлому будущему [2, с. 7–9].

Роман «Русский лес» – этапный в творчестве Л.М. Леонова. В нем в цельном виде представлены его взгляды на отношение человека к природе, художественно и философски отражен явственно проступивший экологический конфликт между природой и человеком. Как отмечалось выше, в наше время этот конфликт приобрел глобальные масштабы, которые писатель и публицист Ю.Д. Черниченко сравнил с гражданской войной. Экологические идеи Л.М. Леонова, облеченные писателем в «Русском лесе» в художественную ткань, получают новую актуальность, дающую импульс к осмыслению в новом свете, с новых позиций путей решения современных экологических проблем.

Как уже неоднократно отмечалось исследователями творчества Л.М. Леонова, писатель занимает в литературе место художника-философа. Экологические идеи романа образуют своеобразную нравственно-философскую концепцию писателя, связанную не только с заботой о сохранении русского леса, природы в целом, но и об основах человеческого существования. Истоки его концепции находятся в доисторических временах, они тесно связаны с национальными корнями, с мифопоэтическими представлениями о тесной связи человека и природы, одушевлением природных явлений. Эти представления закладываются в душу и мировоззрение главного героя романа Ивана Матвеевича Вихрова в раннем детстве в русской деревне, которая живет по природным законам в необоримых лесных просторах.

Сам процесс формирования именно таких, а не иных представлений об окружающем мире в сознании подрастающего ребенка, безусловно, многофакторный, но по большому счету, помимо тесной связи с природным и социальным окружением, он представляет собой некое таинство, носящее метафизический характер и определяющее дальнейшую судьбу человека. Жизнь Ваня Вихрова началась в окружении зеленых, синих и голубых лесов, мифологизированном мальчишеском сознанием до их вселенской связи со всем миром, до метафизического уровня. Ему казалось, что где-то там, на невидимом краю лесного массива, скрытого постоянным туманом и вечно морсящим дождем, небо вплотную смыкалось с землей.

Главная тайна знаменитого в их краях лесного массива Пустоша, «тщательно продуманная Иваном совместно с первейшим его дружкой Демидкой Золотухиным, состояла в том, что чем дальше, тем выше росли там деревья, так что кудлатые кроны их сокрывались в облаках, благодаря чему обыкновенная белка могла взбираться по ним в самую высоту и грызть там свой орешек, усевшись на излучинке молодого месяца. А уж оттуда было рукой подать до бездонного каменного обрыва, и в нем ни рек, ни травки, ни печали земной, а только дымно стелется гиперборейский мрак и еще нечто, че-

го не может выдержать взор самой отчаянной человеческой души. Это и был край света» [1, с. 69].

Но не только сама природа пробуждала у Вани собственные творческие фантазии, формировала его мировоззрение и нравственное отношение к ней. То, что выше мы назвали метафизическим таинством, с детства определяющим особенности характера и мировоззрения человека, в данном случае имело и генетическую предрасположенность. Как отмечает писатель, «кротостью поведения и нежностью к природе Иван Матвееч удался в отца». Ваня от рождения обладал чудесным и врожденным даром – обостренным чутьем природы. Он «часами мог выслеживать обычай дятла или наблюдать толчею муравьиных городов, без числа раскиданных по Заполоскам. Везде у него имелись на приметке гнездо, норка, дупло с пчелами, и, когда это требовалось по ходу деятельности, он отправлялся в лес и без промаха, как дома на полке, находил птенца или замысловатую гусеницу, а возможно, те и сами ему давались, зная, что от него им не будет вреда!..» [1, с. 75].

Важным фактором в развитии и укреплении у Вани Вихрова любви к природе послужил поход с Демидкой в Пустоша к обитателю этого таинственного бора, мифологического в их краях старца Калины. Дорога через таинственный бор вызывает у них противоречивые чувства: восхищение могучим и загадочным лесом, оживлявшим в сознании мальчиков все местные мифопоэтические легенды и сказания о нем, боязнь от возможной встречи с нечистой силой и, наконец, необъяснимую торжественность от встречи с родничком. Этой встрече, как и самому родничку, Л.М. Леонов придает символическое значение.

Этот символизм в полный голос звучит в авторском отступлении, отражая самобытную философскую концепцию истории: история измеряется природой, а природа преобразуется историей человека, в более широком смысле – историей страны¹.

Нравственную часть этой философии истории, сконцентрированную в многовековой народной мудрости о необходимости жить по законам природы, в согласии с ней, Ване Вихрову преподносит отшельник Калина Глухов, практически научая жизни в нетронутой человеком природе. Привитое им ощущение тесной связи всего со всем – природы и человека, земли и неба, природы, космоса и человека – Иван Вихров пронесет через всю свою жизнь, связав в зрелом возрасте концепцию истории России с судьбой русского леса, с отношением человека к природе. Чтобы освоить эту мудрость, ему уже в

¹ «То была колыбель Склани, первого притока Енги, а та, в свою очередь, приходилась старшей дочкой великой русской реке, расхлестнувшей северную низменность на две половины, так что полстраны было окроплено живой водой из этого овражка. Без нее не рождаются ни дети, ни хлеб, ни песня, и одного глотка ее хватало дедам на подвиги тысячелетней славы. Не виднелось ни валов земляных, ни крепостных стен поблизости, но все достояние государства – необозримые пашни с грозами над ними, книгохранилища и могущественная индустрия, лес и горы на его рубежах - служит родничку прочной и надежной оболочкой. И значит, затем лишь строит неприступные твердыни духа и силы, и хмурое войско держит на своих границах, и самое дорогое ставит в бессонный караул, чтоб не пробралась сюда, не замутила, не осквернила чистой струйки ничья поганая ступня. Всего этого Иван еще не понимал в тот вечер, но ни при каких обстоятельствах впоследствии он не ощущал себя таким ничтожным, как перед лицом того беззащитного, казалось, родничка, никогда не испытывал такого светлого, беспричинного ликования» [1, с. 81].

детстве пришлось потерять сказку. Потеря была вызвана первой встречей деревенского мальчика с суровой и пока далекой от него реальностью. «Нечистая сила» в лице лесопромышленника Кнышева уничтожила «милого друга» Вани – лес на Облоге. Она же, эта сила, вырубая под корень лес, развенчала и таинственный ореол, окутывавший лесного отшельника Калину Глухова, превратив его из сказочного лесного существа в обыкновенного старого человека. Финальная сцена вырубки леса на Облоге, где сталкиваются две философии (экономическая выгода купца Кнышева и забота об окружающем мире Калины Глухова), обнажает перед Ваней во всей эмоционально-драматической силе реальное противоречие окружающего мира, разрушая его сказочные иллюзии. Это потрясение было столь сильным, что с тех пор Ваня ни разу не побывал у Калины, страшась «взглянуть на обломки бесценной игрушки, разбитой вдребезги» [1, с. 102]. И здесь не просто локальный конфликт детской души с суровой поступью экономического прогресса. Этот конфликт несет в себе нравственно-философский смысл: что такое экономическая целесообразность с позиций вечности? Отчаянный протест Ваниной души против такой судьбы его «милого друга» – леса, вылившийся в конфликт с Кнышевым, кажется, был продиктован этой вечностью.

Как отмечает Л.М. Леонов, непонятно, откуда у тихого крестьянского мальчика взялась такая ярость, но «следует допустить одно для понимания всего дальнейшего: призвание смолоту ведет человека по искусно подобранным зрелищам бытия, чтобы воспитать в нем сноровку и волю на осуществление его исторических целей» [1, с. 101]. Даже физически оскорбленный (из рогатки камнем в лицо) и словесно уязвленный (*гнилой барин!*) Ваней лесопромышленник Кнышев, ощутив, подивившись, что-то таинственное в том, что «за целое десятилетие его злодейской деятельности лишь один этот, во всей России, крестьянский паренек с кулаками вступился за русские леса» [1, с. 102]. Глубины детской души, в отличие от души взрослой, еще теснейшим образом связаны с вечностью и способны чувствовать ее посылы, хотя в рациональном плане Ваня еще не может ни осмыслить, ни осознать глубинную суть происходящего. Это делает Калина Глухов, рисуя картины будущей катастрофы, связанной со «злодейской» вырубкой леса². Он в полной мере формулирует экологический конфликт, с неизбежностью возникающий между человеком и природой, вовлекающим её в свою деятельность.

Впоследствии, пока Иван Вихров приобретает свои лесные знания, работая в лесоустроительных партиях, лесничествах, или в Лесном институте, десятки Облогов исчезли у него на глазах, не оставляя по себе потомства, с российских просторов. Экологический конфликт, о котором образно говорил Калина, к этому времени не был разрешен, а приобрел еще более угрожаю-

² «– Так-то, хорошие вы мои, детки несмышленные... – говорил Калина тихо и ровно, словно читал по книге. – К тому я и веду, что прозябнет земля без своей зеленой шубейки и здоровьишко станет у ей шибко колебательное. Будет коровка по семи верст за травинкой ходить. А раньше с аршина наедалась. И будет вам лето без тучек, иная зимица без снегов... и поклянут люди свое солнышко! И захотится в баньке веничком похлестаться, а нету. А случится вам сказывать, как на бывалошних-то пнях человек враспяжку ложился, и внучки вам не поверят. И как побьете до последнего деревца русские-то леса, тут и отправитесь, родимые за хлебушком на чужую сторонку!...» [1, с. 97].

щие масштабы, учитывая успехи в индустриализации страны. Затуманился у Вихрова и образ Калины. Но как ни удивительно, много лет спустя он вознесется «в богатырское бессмертие» (Л. Леонов) в первой книге Вихрова. И дело здесь в неумирающей мудрости его народной философии, воспринятой с детства и развитой в зрелом возрасте Иваном Матвеевичем Вихровым: нужно жить в согласии с природой, разумно используя ее богатства.

Эту истину постигал, развивал и защищал в практической деятельности на протяжении всей своей жизни Иван Вихров. Накопленные им теоретические и практические знания о лесе он воплотил в многочисленные труды, которые сохранила Варя. При переездах она всегда возила с собой эти килограммы лесной мудрости в чемодане, под носильными вещами, не объясняя, чем, собственно, вызывалась тяжесть её пожитков.

Вся постигнутая Вихровым лесная мудрость, была в этих трудах: введение в лесные науки, основы к пониманию леса как сложнейшего живого организма, географического явления, климатического фактора, сырьевой базы народного хозяйства, товара. Фактически в папках, которые сохранила Варя, была вся жизнь Ивана Вихрова, которую венчала увесистая папка «Судьба русского леса». И может быть, самое важное, что было в этих папках, это не сами по себе научные знания и размышления Вихрова о лесе, а его личная судьба, тесно связанная с судьбой русского леса, тот нравственный подвиг, который совершает Ваня Вихров, исполняя в тяжком, неоплаченном труде мальчишескую клятву Калине во имя своего «милого друга» – леса.

Жизненная погруженность Вихрова в лесное хозяйство, лесоустройство и лесопользование открыла ему единство природы, экологическую зависимость севера страны от состояния тамошнего леса. Его вековые сплошные вырубki без последующих лесопосадок приводили к заболачиванию бескрайней северной равнины, сушились северные реки, нарушался водный баланс, и с юго-востока напознала пустыня. Так постепенно у Вихрова «инженерия леса» превращалась в философию леса. Она стала формироваться ещё в студенческие годы, когда после отбывания ссылки он не вернулся к прерванной учебе, а предпринял полугодовое путешествие по губерниям Европейской России и отчасти – Сибири. Состояние изученного им лесного хозяйства, отношение простых людей к лесу привели Вихрова к удручающему выводу – «не любят леса на Руси» [1, с. 179]. В сущности, потребительское, хищническое, во многом равнодушное отношение большинства простых людей к природе он наблюдал ещё в детстве. Однако тогда он не мог уложить свою любовь к лесу и нелюбовь других людей к нему в какое-то стройное мировоззрение. Сейчас, формируя свою философию леса, он пытается найти причину подобного отношения к его «милому другу». Эту нелюбовь он пытается объяснить для себя исторической древлянкой памятью о непосильном труде, затраченном на раскорчевку леса под пашню, обвиняя генералов от просвещения в том, что они не смогли привить народу справедливого отношения к зеленому другу. Хотя, на наш взгляд, дело здесь не столько в ис-

торической памяти, сколько в косности сознания и мышления, потребительском отношении к природе, кажущемся неисчерпаемом богатстве лесов в России, отсутствии рачительного хозяина в лесопользовании.

Предыдущие просветительские огрехи Иван Вихров пытается ликвидировать на местах в беседах с мужиками, не испытывая ничего после таких «лекций», кроме разочарований³.

И тем не менее, несмотря на многочисленные столкновения его мечты о русском лесе с реальностью, на заблуждения по поводу возможностей осуществить, наконец, на русской земле разумное лесопользование, на козни его тайных и явных врагов и оппонентов, Иван Матвеевич Вихров остается верен своему предназначению, с детства начертанного судьбой, – бороться за сохранность русского леса. Возмужавший и заматеревший в перипетиях этой борьбы, профессор Вихров в своей лекции в Лесном институте в разгар Отечественной войны представляет в законченном виде свою нравственно-философскую концепцию значения леса в становлении и развитии не только русской, но и человеческой цивилизации в целом. «Во всем мире начальный прогресс подымался по древесным ступенькам...», – замечает Л.М. Леонов [1, с.102]. В лекции профессор Вихров дает историческую панорамную картину той роли, которую играл лес в истории человека и, прежде всего, русского человека. На протяжении веков лес кормил, одевал, грел, давал жилище, защищал его от врагов, лежал в основе экономического прогресса, обеспечивая на всех этапах развития русской государственности её силу и могущество. «У нас, в России, лес за все в ответе, так-то!» – выразит в финале романа позицию автора о значимости леса в жизни русского человека лесник Минай [1, с. 653].

В своей лекции Вихров создает поэтический образ леса как «существа живого, чрезвычайно благожелательного и деятельного» на пользу русского народа. И вряд ли какой-либо «другой народ вступал в историю со столь богатой хвойной шубой на плечах». Давно русскому человеку пора бы воздать хвалу, «какой заслуживает этот милый дед, старинный приятель нашего детства, насмерть стоящий воин и безотказный поставщик сырья, кормилец рек и хранитель урожая» [1, с. 268].

³ «Единственно от честности, чтоб не утаить от народа добытых знаний, Вихров пускался объяснять роль леса в едином хозяйстве страны и еще – про размываемое плодородие почв, мелеющие реки, наползающие пески... Его слушали, учтиво прикрывая ладонью зевки, чтоб не обидеть столь благожелательного парня в опорках, готового поделиться с ними последним своим, кабы имел – чем» [1, с. 178].

Но нет у русского человека песни о лесе, сожалеет Л.М. Леонов, и Вихров создает в лекции в исторической ретроспективе поистине трагическую картину уничтожения, разбазаривания, беспощадного отношения к величайшему «кормильцу и поильцу»⁴ – лесу.

Обличительный пафос в лекции профессора Вихрова направлен в прошлое, поскольку в стране победившего социализма таких явлений быть не могло, хотя как лесовод-практик он не мог не видеть, что реализация гигантских проектов индустриализации в разы увеличила вырубку леса (знаменитые лесоповалы), не заботясь о его воспроизводстве. С одной стороны, и это также не мог не понимать Вихров, это был объективный процесс – нужно было поднимать и развивать экономику страны. И в этих условиях действовал принцип: лес рубят – щепки летят. Но, с другой стороны, не пора ли было научиться бережнее относиться к своим природным богатствам, одним из которых является лес. И в этом, не нарушая идеологических догм, была вторая часть пафоса лекции профессора Вихрова. Отдавая дань идеологии и экономической необходимости, в своей лекции Вихров предлагает целую программу разумного лесопользования, внедрение которой будет только повышать экономический эффект от использования леса, сохраняя его воспроизводство и превращая лесохозяйство в культурную отрасль земледелия. И, разумеется, понимая с высоты своего жизненного опыта, сколь сложен и длителен даже при благоприятных условиях может быть этот процесс, профессор апеллирует к молодому поколению, которое и выступало слушателем его лекции, терпеливо и настойчиво внушать уже их ученикам, что «лес входит в понятие отечества, что сила патристизма всегда пропорциональна количеству вложенного в нее личного труда...» [1, с. 294].

При внимательном прочтении лекции Ивана Матвеевича Вихрова нельзя не увидеть созвучность его идей и мыслей учению В.И. Вернадского [3] о биосфере и ноосфере, с работами которого, без сомнения, был знаком Л.М. Леонов. Отсюда содержательная и структурно-формальная близость лекции

⁴ В качестве примера приведем ссылку только на девятнадцатый век, который, по мнению Вихрова, в России (да и не только в ней) характеризовался «яростным избиением лесов». «Прогресс в обнимку с барышом вторгаются в хвойные дебри, позади остаются хаос беспримерной сечи, тяжкое похмелье и несоразмерно малое количество мелких промышленных предприятий... Впереди этого колдовского вихря, освященного новинкой техники, волшебными электролампонами, и щедро sprыснутого шампанским, чтобы крутилось веселей, шагают благообразные, ухмыляющиеся соловьи-разбойники со звездами и медалями на грудях и следом – другие, в котелках набекрень и с нахально-пронзительным блеском в глазах... И опять бородастый русский лес, с дозволения правительства, кланяется в землю всякому иностранному отребью. Уж рубят все, выбирая куски полакомей: новорожденное кулацкое сословие, готовое рубить хоть на погосте, в изголовье у родимой матушки; благословясь и поручив лесовозобновление всевышнему, рубит монастырская братия в обительских угодьях, завещанных на помин души; не менее ревностно рубят отцы городов, вроде херсонских, поваливших свою прославленную белую акацию при проводке телефона, – рубят невиданные дотеле в русском лесу разездные пестроногие жуки из западных губерний, по сходной цене скупающие у дворян владенные грамоты и крестьянские наделы через посредство волостных старшин, которые, насмотревшись на барина, тоже рубят – не из нужды порой, не про запас на возможного покупателя, а от неудержимого зуда в руках. Так тончает помаленьку надежный сук, на котором сидели мы с Гостомысловых времен... Все чаще, как тяжелые сны, наплывают на патриотов думы о пропадающем русском лесе. Вот уж Аксаков плачет над лесной статьей Васильчикова, и все разумеют грядущую расплату, но тогдашнее передовое общество действует по испытанному ханжескому правилу: согрешу еще разок, вдарю и покаюсь!» [1, с. 276].

Вихрова с некоторыми разделами учения В.И. Вернадского. Она проявляется не только в концептуальной близости, но и в формах подачи материала, в объемном историко-культурном экскурсе развития ноосферного знания (научной мысли) у Вернадского, и в таком же масштабном экскурсе связи истории леса с историей становления русской и мировой цивилизации у Вихрова.

В.И. Вернадский полагал, что эволюция биосферы в ноосферу (сферу разума) приведет к тому, что человек сможет управлять силами природы и эволюцией живых существ. В эпоху ноосферы человек хаотичному развитию жизни на Земле противопоставит упорядоченное человеческим разумом развитие. Вместе с тем человек как высшая стадия эволюции биосферы перестал укладываться в рамки ее организованности, перерабатывая ее коренным образом, и местами даже разрушая. Поэтому существуют опасные для планеты тенденции человеческих преобразований природы. Они истощают планету, разрушают ее биосферу, несут в себе антигуманные и ложные информационные потоки, вредные для развития ноосферы. Преодолеть эти тенденции, избежать опасности гибели человечества, по мысли В.И. Вернадского, возможно лишь в случае единства человечества на путях перехода к сознательно-активной эволюции. Законченное оформление ноосферы может произойти не ранее, чем человек разовьет в себе планетарное сознание и мышление, направленные на сохранение биосферы и развитие ноосферы [4, с. 7].

Вихров также ставит человеческий разум, научную мысль в определяющие факторы развития разумного лесопользования, способного сберечь планету от уничтожения лесов. История развития человечества пока не подтверждает надежды В.И. Вернадского и И.М. Вихрова, а вместе с ними и Л.М. Леонова, связанные с возможностями человеческого разума устроить жизнь людей в справедливом обществе и в согласии с природой. Конечно, роман всего лишь ставит вопрос о возможности совершенствования общества и человека, связывая вопросы такого совершенствования с отношением человека к природе, к жизни по её законам, к бережному отношению к ней, к возрождению используемых природных ресурсов. Симптоматично, что позиция автора к быстрому существенному изменению положения вещей в лесопользовании не столь радужна, как можно было бы себе её представить. Её озвучивает практически в финале книге лесник Миней: «Вот, сколько живу, испокон веков всё в жизни мы наспех делали» [1, с. 652].

Таким образом, можно констатировать, что зарождением экологического дискурса русская художественная литература обязана роману «Русский лес» Л.М. Леонова, а сам автор выступает предтечей экологического движения в России.

Нельзя не согласиться с мнением В.А. Петишевой и А.А. Петишева, что «Русский лес» – это философский роман, в основе которого лежат мифотворчество, символика, широкие отступления и исторические реминисценции, мы бы добавили, и научная мысль. Художественно-философски осмысливая бытие, Л.М. Леонов утверждает гармоничное единство человека и природы, человека и земли, человека и космоса, фиксируя свое внимание на

симптомах кризиса традиционного гуманистического сознания. Жизнь и сознание человека, по Л. Леонову, должны одухотворяться высшими идеями и нравственным смыслом, в противном случае на его пути неизбежны препятствия и роковые преграды [5, с. 929].

Философская концепция судьбы русского леса в романе заключается в его исторической миссии служить опорой русской государственности. Потеря этой опоры может вызвать катастрофические последствия как для среды обитания российского народа, так и для его государственности. Образ леса в романе приобретает символическое значение: борьба за его разумное использование – это борьба за сохранение источника жизни на планете, за будущее человечества. Экологическая тема в романе впервые в русской литературе получает столь мощное философское, историческое, нравственное обоснование. Л.М. Леонов в романе «Русский лес» показал тесную взаимосвязь вопросов экологии природы с проблемами духовной жизни народа. Лес, лесные дела – это и проверка нравственных, духовных качеств человека. Борьба за русский лес, его судьбу выявляет моральные качества героев романа: любящие лес – это герои, несущие в себе и высокие нравственные качества, – любовь к отечеству, к людям, честность, чистая совесть (Вихров, Калина, Поля, Сережа и др.). По отношению к ним лес выступает благодарным союзником: другом, товарищем, помощником, строгим наставником, вызывая у героев сохранившуюся в народном творчестве веру в реальность одушевленной природы. Враги леса, как правило, люди бездуховные, эгоистичные, равнодушные к природе (Грацианский, Кнышев, Сапегина, Золотухин и др.). Своим романом Л.М. Леонов высказывает тревогу не только за судьбу русского леса, но и указывает на опасные для всей планеты тенденции человеческих преобразований природы, что звучит как никогда актуально.

Литература

1. Леонов Л.М. Русский лес / Л.М. Леонов. – М.: Художественная литература, 1974. – 678 с.
2. Старикова, Е. О романе Леонида Леонова «Русский лес» / Е. Старикова. Вступительная статья // Л.М. Леонов. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 5 – 18.
3. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
4. Гируцкий, А.А. Экология семиосферы: традиции и новые подходы // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. 2019. № 1. – С. 4 – 17.
5. Петишева В.А., Петишев А.А. Человек и природа в романе Л. М. Леонова «Русский лес» // Вестник Башкирского государственного университета. 2014. Т.19. № 3. – С. 926 – 930.